

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2026, Том 14, № 4 / 2026, Vol. 14, Iss. 4 <https://mir-nauki.com/issue-4-2026.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN426.pdf>

DOI: 10.15862/41PSMN426 (<https://doi.org/10.15862/41PSMN426>)

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Власихина, Н. В. Религиозная идентичность как фактор нормативно-ролевой организации семейных отношений в протестантских семьях / Н. В. Власихина // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14. — № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN426.pdf>. DOI: 10.15862/41PSMN426.

For citation:

Vlasihina N.V. Religious identity as a factor in the normative-role organization of family relationships in protestant families. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2026;14(4): 41PSMN426. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN426.pdf>. DOI: 10.15862/41PSMN426 (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9:316.6:27

Власихина Наталия Вячеславовна¹

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования евангельских христиан-баптистов «Санкт-Петербургский Христианский Университет» Санкт-Петербург Россия
Доцент

Соискатель на ученую степень кандидата наук

E-mail: natavlas@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0393-0847>

Религиозная идентичность как фактор нормативно-ролевой организации семейных отношений в протестантских семьях

Аннотация. В статье представлены результаты исследования гендерных особенностей взаимосвязи религиозной идентичности с характеристиками семейных отношений в протестантских семьях. Несмотря на значительное число работ, посвящённых влиянию религиозности на брак и семью, вопрос о том, одинаково ли религиозная идентичность проявляется в семейной жизни мужчин и женщин, остаётся недостаточно изученным. Цель исследования состояла в выявлении особенностей взаимосвязи религиозной идентичности с характеристиками супружеских и детско-родительских отношений у мужчин и женщин протестантов. Для изучения супружеских отношений использовались опросник «Рольные ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой и опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой и Г. П. Бутенко. Особенности детско-родительских отношений оценивались с помощью опросника родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина. Уровень религиозной идентичности определялся на основе самооценки респондентов по десятибалльной шкале, отражающей степень выраженности религиозной самоидентификации и религиозной вовлеченности. Эмпирическую основу исследования составили результаты корреляционного анализа показателей религиозной идентичности, семейных функций, особенностей родительского отношения и удовлетворённости браком. Установлено, что у женщин религиозная идентичность преимущественно связана с хозяйственно-бытовой функцией семьи и воспитательными установками, тогда как у мужчин — с отдельными характеристиками супружеских отношений и ролевой организацией семьи.

¹ <https://vk.ru/vlasihina>

Полученные результаты позволяют сделать вывод о существовании различных моделей реализации религиозной идентичности в семейной жизни мужчин и женщин и расширяют представления о психологических механизмах влияния религиозности на функционирование семьи.

Ключевые слова: религиозная идентичность; протестантская семья; гендерные различия; супружеские отношения; детско-родительские отношения; семейные роли

Введение

Вопрос о том, за счет каких психологических механизмов семья сохраняет устойчивость и внутреннюю согласованность, остается одним из наиболее сложных в современной психологии семьи. Качество семейных отношений нельзя объяснить только социально-экономическими условиями, личностными особенностями супругов или уровнем коммуникативной компетентности. Эти факторы важны, однако они не позволяют в полной мере понять, почему семьи, находящиеся в сходных жизненных обстоятельствах, выстраивают разные модели супружеского взаимодействия, по-разному распределяют обязанности, по-разному понимают родительскую ответственность и неодинаково оценивают собственный брак. Поэтому все большее значение приобретает анализ тех ценностно-смысловых оснований, которые регулируют семейное поведение изнутри. В отечественной психологии семьи неоднократно подчеркивалось, что устойчивость семейной системы определяется не только объективными условиями ее существования, но и ценностными основаниями семейной жизни [1]. Аналогичной позиции придерживаются и зарубежные исследователи, рассматривающие систему семейных ценностей как важный регулятор внутрисемейного взаимодействия [2]. В связи с этим все большее внимание уделяется анализу тех ценностно-смысловых оснований, которые регулируют семейное поведение изнутри.

Одним из таких оснований является религиозная идентичность. В отечественной психологии она рассматривается как компонент социальной идентичности личности, отражающий осознание человеком своей принадлежности к религиозной общности и принятие соответствующей системы ценностей [3]. А. В. Микляева и П. В. Румянцева подчеркивают, что идентичность выступает механизмом, обеспечивающим согласованность поведения человека с усвоенными ценностями и социальными нормами [4]. По мнению С. В. Павловой, религиозная идентичность не сводится к формальной принадлежности к конфессии, а характеризует степень интеграции религиозных убеждений в структуру личности [5]. В зарубежной психологии сходную позицию занимает К. I. Pargament, рассматривающий религию как систему смыслообразования и психологического совладания, влияющую на повседневный выбор человека [6]. Для психологии семьи подобное понимание особенно важно, поскольку именно семейная жизнь становится пространством, где мировоззренческие установки получают практическое выражение в распределении ролей, воспитании детей, понимании супружеских обязанностей и принятии семейных решений.

Исследования взаимосвязи религиозности и семейных отношений также демонстрируют неоднозначную картину. А. Mahoney показала, что религиозность может способствовать укреплению супружеских отношений через формирование взаимных обязательств, развитие практик прощения и совместной духовной жизни [7]. D.C. Dollahite и L.D. Marks рассматривают религию как семейный ресурс, который реализуется прежде всего в повседневных семейных практиках и совместном преодолении жизненных трудностей [8]. В исследованиях F. Lambert религиозность связывается с более высоким уровнем супружеской поддержки и стабильности брака [9]. Вместе с тем ряд авторов обращает внимание на то, что религиозность может сопровождаться усилением нормативных ожиданий, повышением требований к супругам и

детям, а в отдельных случаях — становиться источником внутрисемейного напряжения [10; 11]. Таким образом, современные исследования позволяют говорить скорее о сложности механизмов влияния религиозности на семейную жизнь, чем о ее безусловно положительном воздействии.

Вместе с тем семейное измерение религиозной идентичности остается разработанным значительно слабее. В исследованиях Н. В. Власихиной показано, что религиозная идентичность связана с особенностями семейных ценностей и нормативно-ролевой организацией семейной жизни протестантских супругов [12]. В других отечественных исследованиях отмечается влияние религиозности на родительские установки и представления о браке [13; 14], однако вопрос о гендерной специфике этих взаимосвязей остается практически неизученным.

Необходимость гендерного анализа обусловлена тем, что семья не является нейтральным пространством реализации ценностей. И. С. Клецина рассматривает семейные роли как результат гендерной социализации и подчеркивает, что мужчины и женщины по-разному включаются в систему семейной ответственности [15]. Е. П. Ильин также отмечает существование устойчивых различий в реализации мужских и женских семейных ролей [16]. В работах В. А. Бендас показано, что различия между мужчинами и женщинами проявляются не только в распределении домашних обязанностей, но и в восприятии родительской ответственности и супружеского взаимодействия [17]. Следовательно, можно предположить, что и религиозная идентичность будет связана с различными подсистемами семьи в зависимости от гендерной структуры семейных ролей.

Особый интерес в этом отношении представляют протестантские семьи. Протестантская традиция характеризуется высокой значимостью личного религиозного выбора, активной включенностью в жизнь религиозной общины и ориентацией на практическое воплощение религиозных ценностей в семейной жизни. Однако вопрос о том, каким образом религиозная идентичность связана с различными подсистемами семьи у мужчин и женщин, остается открытым.

Таким образом, современная литература убедительно показывает значимость религиозной идентичности для понимания семейных отношений, однако механизмы этой связи остаются недостаточно изученными. Особенно это касается гендерной специфики реализации религиозной идентичности в различных подсистемах семьи, что и определило цель настоящего исследования.

Цель данного исследования — выявить гендерные особенности взаимосвязи религиозной идентичности с характеристиками супружеских и детско-родительских отношений в российских протестантских семьях.

Исследование направлено на ответ на следующий вопрос: различается ли структура взаимосвязей религиозной идентичности с параметрами семейного функционирования у мужчин и женщин протестантского вероисповедания?

Предполагалось, что религиозная идентичность у мужчин и женщин будет связана с разными подсистемами семьи: у женщин — преимущественно с хозяйственно-бытовой и воспитательной сферами, у мужчин — с супружеским взаимодействием и ролевой организацией семейной жизни.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 64 супружеские пары, всего 128 респондентов. Все участники проживали в городах Российской Федерации: Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Челябинске, Ростове-на-Дону и др. Средний возраст мужчин составил 40,3 года, женщин — 37,4 года. Средний стаж брака в протестантской группе — 12,3 года.

Большинство участников состояли в первом браке: 115 человек; 13 респондентов находились во втором или последующем браке.

В выборку вошли семьи, находящиеся на разных стадиях семейного жизненного цикла. Молодые семьи без детей составили 12,5 % выборки, семьи с ребенком до 3 лет — 14,8 %, семьи с детьми дошкольного возраста — 12,5 %, семьи с детьми школьного возраста — 19,5 %, семьи с детьми подросткового возраста — 40,6 %. Таким образом, наиболее представленной оказалась группа семей с детьми подросткового возраста, что необходимо учитывать при интерпретации результатов, особенно связанных с родительскими установками.

Критериями включения в выборку были: самоидентификация супругов с евангельским протестантизмом, наличие устойчивой религиозной практики, регулярная включенность в жизнь религиозной общины, а также сформированная религиозная идентификация до вступления в брак. Большинство респондентов начали посещать протестантские церкви и идентифицировать себя как евангельских протестантов в молодом возрасте. Это позволило рассматривать религиозную идентичность не как формальную конфессиональную принадлежность, а как устойчивую характеристику жизненного и семейного уклада.

При описании выборки учитывались факторы, способные повлиять на результаты исследования: возраст супругов, продолжительность брака, стадия жизненного цикла семьи, опыт первого или повторного брака, наличие детей и уровень религиозной вовлеченности. Значимым обстоятельством является также то, что протестантские семьи представляли городскую выборку и принадлежали к религиозным общинам, что могло усиливать нормативную определенность семейных ролей и ценностных представлений.

Сбор данных осуществлялся в ходе индивидуального психодиагностического обследования супругов. Мужья и жены заполняли методики отдельно друг от друга, что снижало вероятность взаимного влияния ответов. Участникам предлагалось выполнить блок стандартизированных психодиагностических методик, ответить на открытые вопросы анкеты, а также оценить степень собственной религиозной идентификации по шкале от 0 до 10 баллов.

Для изучения супружеских отношений использовался опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой. Методика позволяет оценить ролевую структуру брака и значимость основных сфер семейной жизни: интимно-сексуальной, личностной идентификации с супругом, хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, социальной активности, эмоционально-терапевтической функции и внешней привлекательности.

Удовлетворенность браком определялась с помощью опросника В. В. Столина, Т. Л. Романовой и Г. П. Бутенко. Данная методика использовалась для получения интегрального показателя субъективной удовлетворенности супружескими отношениями.

Особенности детско-родительских отношений изучались с использованием опросника родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина. В анализ включались показатели принятия-отвержения ребенка, кооперации, симбиоза, авторитарной гиперсоциализации и отношения к ребенку как к «маленькому неудачнику». При обработке шкалы «Принятие-отвержение» применялось реверсивное кодирование части пунктов, что позволило интерпретировать показатель в направлении выраженности принятия ребенка.

Религиозная идентификация оценивалась по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 означало отсутствие религиозной самоидентификации и светский образ жизни, а 10 — выраженную религиозную самоидентификацию и активную религиозную практику, включающую посещение богослужений, молитву и чтение религиозных текстов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 23.0. Основной статистической процедурой для проверки исследовательского

вопроса выступил корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Он применялся для выявления взаимосвязей между выраженностью религиозной идентичности и параметрами супружеских и детско-родительских отношений у мужчин и женщин.

Результаты

Для проверки исследовательского вопроса был проведен корреляционный анализ взаимосвязей между выраженностью религиозной идентичности и характеристиками семейных отношений отдельно у мужчин и женщин протестантов. Анализ показал, что религиозная идентичность связана не с общей удовлетворенностью браком, а преимущественно с отдельными аспектами семейного функционирования. При этом структура выявленных взаимосвязей различается в мужской и женской выборках.

У женщин статистически значимые взаимосвязи выявлены только по двум показателям (табл. 1). Религиозная идентичность положительно коррелировала с хозяйственно-бытовой функцией семьи ($r = 0,201$; $p < 0,01$) и показателем авторитарной гиперсоциализации в детско-родительских отношениях ($r = 0,184$; $p < 0,01$). По остальным параметрам статистически значимых взаимосвязей обнаружено не было. В частности, отсутствовала связь между выраженностью религиозной идентичности и общей удовлетворенностью браком ($r = 0,007$).

Таблица 1

Статистически значимые взаимосвязи религиозной идентичности с характеристиками семейных отношений у женщин-протестанток

Показатель	r
Хозяйственно-бытовая функция семьи	0,201**
Авторитарная гиперсоциализация	0,184**
Принятие/отвержение	-0,001
Кооперация	0,075
Симбиоз	0,035
Маленький неудачник	-0,044
Супружеские отношения	
Сексуальные отношения	-0,026
Личностная идентификация	-0,096
Родительско-воспитательная функция	0,035
Внешняя социальная активность	0,134
Психотерапевтическая функция	-0,095
Внешняя привлекательность	0,074
Удовлетворенность браком	0,007

Составлено автором

Полученные данные показывают, что в женской выборке религиозная идентичность преимущественно связана со сферами, отражающими организацию семейной жизни и особенности реализации родительской роли.

У мужчин структура взаимосвязей оказалась иной (табл. 2). Наиболее выраженная связь выявлена между религиозной идентичностью и родительско-воспитательной функцией семьи ($r = -0,270$; $p < 0,01$). Кроме того, статистически значимые положительные корреляции обнаружены с показателями авторитарной гиперсоциализации ($r = 0,126$; $p < 0,01$), значимостью сексуальной сферы супружеских отношений ($r = 0,084$; $p < 0,01$) и внешней привлекательности супругов ($r = 0,085$; $p < 0,01$). Как и в женской выборке, религиозная идентичность не была связана с общей удовлетворенностью браком ($r = 0,067$).

Таблица 2

**Статистически значимые взаимосвязи религиозной
идентичности с характеристиками семейных отношений у мужчин-протестантов**

Показатель	<i>r</i>
Родительско-воспитательная функция семьи	-0,270**
Авторитарная гиперсоциализация	0,126**
Сексуальная сфера супружеских отношений	0,084**
Внешняя привлекательность	0,085**
Принятие/отвержение	-0,014
Кооперация	-0,111
Симбиоз	-0,096
Маленький неудачник	0,084
Супружеские отношения	
Личностная идентификация	-0,108
Хозяйственно-бытовая функция	0,131
Внешняя социальная активность	-0,017
Психотерапевтическая функция	-0,136
Удовлетворенность браком	0,067

Составлено автором

Сопоставление результатов показывает, что религиозная идентичность у мужчин и женщин связана с различными компонентами семейного функционирования. У женщин статистически значимые связи сосредоточены преимущественно в сфере организации семейного быта и воспитательных установок. У мужчин они затрагивают главным образом супружескую подсистему семьи и отдельные аспекты реализации родительской роли. Вместе с тем для обеих групп характерно отсутствие статистически значимой взаимосвязи между религиозной идентичностью и субъективной удовлетворенностью браком.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют уточнить существующие представления о роли религиозной идентичности в семейной жизни. В отличие от распространенного предположения о том, что религиозность непосредственно способствует семейному благополучию, проведенное исследование не выявило статистически значимой связи между выраженностью религиозной идентичности и удовлетворенностью браком ни у мужчин, ни у женщин протестантского вероисповедания. Вместе с тем религиозная идентичность оказалась связана с рядом характеристик семейного функционирования, причем структура этих взаимосвязей имела отчетливую гендерную специфику. Это позволяет предположить, что значение религиозной идентичности проявляется не столько в субъективной оценке качества брака, сколько в организации повседневной семейной жизни и реализации семейных ролей.

Отсутствие связи между религиозной идентичностью и удовлетворенностью браком заслуживает отдельного обсуждения. На первый взгляд этот результат может показаться неожиданным, поскольку в исследованиях A. Mahoney, D.C. Dollahite, L.D. Marks и N.M. Lambert религиозность рассматривается как один из факторов, способствующих устойчивости брака, развитию супружеской поддержки и конструктивному разрешению семейных конфликтов [2; 8; 9; 18]. Однако A. Mahoney подчеркивает, что влияние религии на семью носит преимущественно опосредованный характер. По ее мнению, религия действует через семейные процессы — совместные практики, взаимные обязательства, способы разрешения конфликтов и интерпретацию семейных событий, — а не выступает самостоятельным фактором семейного благополучия [2]. Сходную позицию занимают D.C. Dollahite и L.D. Marks, отмечая, что религиозные убеждения способны укреплять семью лишь тогда,

когда становятся частью повседневного взаимодействия супругов [8]. Полученные нами результаты хорошо согласуются с этой логикой [2; 8]. Они позволяют предположить, что религиозная идентичность сама по себе не определяет субъективную удовлетворенность браком, а создает нормативную основу, в рамках которой строятся семейные отношения.

Вторая группа результатов касается различий между мужчинами и женщинами. В женской выборке религиозная идентичность оказалась связана с хозяйственно-бытовой функцией семьи и авторитарной гиперсоциализацией. Оба показателя отражают сферы, связанные с организацией повседневной жизни семьи, поддержанием семейного порядка и реализацией воспитательной ответственности. Это позволяет предположить, что для женщин религиозная идентичность преимущественно соотносится с нормативными аспектами семейной жизни, определяющими способы выполнения традиционных семейных обязанностей.

Подобная интерпретация согласуется с отечественными исследованиями гендерных ролей. И. С. Клецина показывает, что даже в условиях изменения современной семьи женщины чаще сохраняют ведущую роль в организации семейного быта, эмоциональной поддержке и воспитании детей [15]. Е. П. Ильин также отмечает устойчивость различий в реализации мужских и женских семейных ролей [16], а Т. В. Бендас рассматривает эти различия как результат сочетания социальных ожиданий и особенностей гендерной социализации [17]. В этом контексте выявленные нами взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что религиозная идентичность интегрируется в существующую систему гендерных ожиданий, усиливая значимость тех семейных функций, которые традиционно связываются с ролью жены и матери.

Структура взаимосвязей, выявленная у мужчин, имеет иной характер. Религиозная идентичность оказалась ассоциирована с показателями, относящимися преимущественно к супружеской подсистеме: значимостью сексуальных отношений, внешней привлекательности супруги и особенностями реализации родительской роли. Особенно интересной представляется отрицательная связь с родительско-воспитательной функцией. Корреляционный дизайн исследования не позволяет объяснить причины этой зависимости, однако сам факт ее существования свидетельствует, что религиозная идентичность мужчин включена в иную систему семейных отношений, чем у женщин. Вероятно, она в большей степени связана с теми аспектами семейной жизни, которые определяют распределение ответственности между супругами и поддержание супружеского союза как самостоятельной подсистемы семьи.

Такое понимание роли религиозной идентичности согласуется с концепцией K.I. Pargament, рассматривающего религию как систему смыслообразования, влияющую на интерпретацию жизненных событий и принятие повседневных решений [6]. Полученные результаты позволяют предположить, что именно через систему религиозных смыслов и усвоенных норм религиозная идентичность включается в организацию семейной жизни, однако конкретные формы ее проявления различаются у мужчин и женщин.

Таким образом, различия между мужчинами и женщинами касаются не уровня религиозной идентичности, а способов ее проявления в семейной жизни. Полученные результаты позволяют предположить, что религиозная идентичность не является универсальным психологическим фактором, одинаково связанным со всеми сторонами семейного функционирования. Напротив, она включается в различные подсистемы семьи в зависимости от структуры семейных ролей. В женской выборке религиозная идентичность ассоциирована преимущественно с хозяйственно-бытовой и воспитательной подсистемами, тогда как в мужской — с супружеской подсистемой и отдельными аспектами реализации родительской роли.

С теоретической точки зрения это позволяет уточнить представления о психологической роли религиозной идентичности в семье. Полученные данные не дают оснований рассматривать ее как прямой предиктор семейного благополучия.

Вместе с тем они позволяют предположить, что религиозная идентичность выполняет преимущественно нормативно-регулятивную функцию, соотносясь с представлениями супругов о семейных обязанностях, распределении ролей и способах реализации ответственности. Именно через эти механизмы религиозная идентичность может быть связана с семейным функционированием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клецина И. С. Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2003. № 6. С. 154–166. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/klyotsina_6_154_166.pdf (дата обращения: 13.07.2026).
2. Mahoney A. Religion in Families 1999–2009: A Relational Spirituality Framework // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72, № 4. P. 805–827. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00732.x.
3. Хухлаев О. Е., Шорохова В. А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 35–50. DOI: 10.17759/sps.2016070203.
4. Микляева А. В., Румянцева П. В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 5. С. 36–45. URL: <https://polinarum.ru/uploads/s/u/c/f/ucfvbp2ewau5/file/tLvZszZH.pdf> (дата обращения: 15.07.2026).
5. Павлова О. С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119–136. https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2013_n2/60953 (дата обращения: 12.07.2026).
6. Pargament K.I. The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice. New York: Guilford Press, 1997. 548 p. ISBN 978-1572302143 (hardcover); ISBN 978-1572306646 (paperback). URL: <https://chatgpt.com/c/6a3e7336-dcfc-83eb-b2e7-4626cf4f9d1d#:~:text=https%3A//www.guilford.com/books/The%2DPsychology%2Dof%2DReligion%2Dand%2DCoping/Kenneth%2DPargament/9781572306646> (дата обращения: 15.07.2026).
7. Mahoney A., Pargament K.I., Tarakeshwar N., Swank A.B. Religion in the Home in the 1980s and 1990s: A Meta-Analytic Review and Conceptual Analysis of Links Between Religion, Marriage, and Parenting // Journal of Family Psychology. 2001. Vol. 15, № 4. P. 559–596. DOI: 10.1037/0893-3200.15.4.559.
8. Dollahite D.C., Marks L.D., Dalton H. Why Religion Helps and Harms Families: A Conceptual Model of a System of Dualities at the Nexus of Faith and Family Life // Journal of Family Theory & Review. 2018. Vol. 10, № 1. P. 219–241. DOI: 10.1111/jftr.12242.
9. Lambert N.M., Dollahite D.C. How Religiosity Helps Couples Prevent, Resolve, and Overcome Marital Conflict // Family Relations. 2006. Vol. 55, № 4. P. 439–449. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2006.00413.x.
10. Mahoney A. Religion and Conflict in Marital and Parent-Child Relationships // Journal of Social Issues. 2005. Vol. 61, № 4. P. 689–706. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2005.00427.x.

11. Goodman M.A., Dollahite D.C., Marks L.D., Layton E. Religious Faith and Transformational Processes in Marriage // *Family Relations*. 2013. Vol. 62, № 5. P. 808–823. DOI: 10.1111/fare.12038.
12. Власихина Н. В. Семейные отношения в религиозных семьях: современные исследования // *Frontier Materials & Technologies*. 2017. № 1. С. 43–47. URL: <https://www.vektornaukitech.ru/jour/article/view/257> (дата обращения: 12.07.2026).
13. Власихина Н. В. Родительские установки у отцов в российских протестантских семьях // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2025. № 1. URL: <https://psychinedu.ru/index.php/main/article/download/484/306> (дата обращения: 11.07.2026).
14. Власихина Н. В. Специфика супружеских отношений в российских протестантских семьях // *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10, № 4. Ст. 2. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-2.
15. Клецина И. С., Векилова С. А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 3. С. 78–91. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7.
16. Ильин Е. П. Пол и гендер. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 686 с. ISBN 978-5-49807-453-5. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1522572/ (дата обращения: 13.07.2026).
17. Бендас Т. В. Гендерная психология. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 431 с. ISBN 5-94723-369-X. URL: <https://psychojournal.ru/books/2241-bendas-t-v-gendernaja-psihologija.html> (дата обращения: 13.07.2026).

Vlasihina Natalia Vyacheslavovna

Saint-Petersburg Christian University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: natavlas@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0393-0847>

Religious identity as a factor in the normative-role organization of family relationships in protestant families

Abstract. The article presents the results of a study examining gender-specific associations between religious identity and family relationship characteristics in Protestant families. Despite the considerable body of research on the role of religiosity in marriage and family life, it remains insufficiently understood whether religious identity is manifested in the same way in the family lives of men and women. The aim of the study was to identify gender differences in the associations between religious identity and characteristics of marital and parent-child relationships among Protestant men and women. Marital relationships were assessed using A.N. Volkova's Role Expectations and Aspirations in Marriage Questionnaire and the Marital Satisfaction Questionnaire developed by V.V. Stolin, T.L. Romanova, and G.P. Butenko. Parent-child relationships were evaluated using the Parental Attitude Questionnaire by A.Ya. Varga and V.V. Stolin. The level of religious identity was measured through respondents' self-assessment on a ten-point scale reflecting the degree of religious self-identification and involvement in religious life. The empirical analysis was based on correlations between religious identity, family functions, parental attitudes, and marital satisfaction. The findings indicate that, among women, religious identity is primarily associated with the household function of the family and parenting attitudes, whereas among men it is related to selected characteristics of marital relationships and the role organization of family life. These results suggest that religious identity is expressed through different patterns in the family lives of men and women and contribute to a more nuanced understanding of the psychological mechanisms through which religiosity is associated with family functioning.

Keywords: religious identity; Protestant family; gender differences; marital relationships; parent-child relationships; family roles